

Ван Сюнь разговаривал у входа с кем-то и, увидев их, несказанно обрадовался:

— Вы живы!

Тут же осознал, что ляпнул что-то не то, почесал затылок, пытаюсь исправиться и загладить вину:

— Вы не возвращались всю ночь, я уже подумал, что с вами что-то случилось.

Вдруг он заметил белую лису и в испуге отшатнулся:

— Почему она всё ещё здесь?

Цзи Хан пояснил:

— У мастера есть дела поважнее, он разрешил нам прийти через несколько дней.

Белая лиса напугала Ван Сюня, но при виде пёстрых змей на его лице не было и тени страха, только подобострастие:

— Мастер явно высоко вас ценит.

Цзи Хан не хотел лишних разговоров и пообещал, что после короткого отдыха они осмотрят усадьбу на предмет аномалий.

Ван Сюнь понял намёк и не стал продолжать.

Тем временем Цао Лэдао по-прежнему был слаб. Увидев, что они вернулись, он обрадовался, опёрся о косяк, чтобы выглянуть наружу, но в следующий миг увидел, как к нему ползут несколько змей. От страха он пошатнулся и рухнул.

Пёстрые змеи почти вышли из-под контроля, их сжимали за семипядь*, но они всё равно рвались в его сторону.

П.п.: Семипядь (七寸, qī cùn) — традиционное в китайской культуре обозначение места на змее примерно в 7 цуней (около 23 см) от головы, считающееся уязвимым (аналог «ахиллесова пята» для змей).

Цао Лэдао вынужденно захлопнул дверь, и только тогда ситуация ненадолго стабилизировалась.

Белая лиса злорадствовала:

— Я же говорила, сейчас он для них — питательная пища.

Цзи Хан бросил взгляд на её рану, и Су Мэй вынужденно замолчала, скрепя сердце.

Через дверь Цзи Хан спросил о предсказании судьбы от Шэнь Суаньцзы.

Голос Цао Лэдао звучал удручённо:

— Остался один день, прежде я разобьюсь насмерть.

Цзи Хан лишь сказал ему хорошенько отдохнуть, не давая никаких обещаний.

Все вернулись в комнаты, привели себя в порядок, а затем, подобно охотникам на демонов, для вида бродили по усадьбе. Ван Сюнь, из-за присутствия белой лисы, не решался их сопровождать, лишь велел слугам не беспокоить высших мастеров.

Проходя мимо безлюдного беседки, Вэй Цзюнь произнёс:

— Нужно найти выход из тупика.

До сих пор их лишь водили за нос, что было крайне опасно.

Цзи Хан был самым могущественным среди них, и все подсознательно сначала смотрели на него. Тот не стал скрывать и заявил прямо:

— Тянь Игуа выглядит как призрак, но много лет назад он дал учёному нефритовый талисман, над которым провели обряд освящения. Это противоречие.

Мысль о призраке, освящающем нефрит, и впрямь звучала нелепо.

Су Мэй подняла лапу:

— Если я отвечу, ты отпустишь меня?

Цзи Хан лишь взглянул на неё.

Су Мэй поумнела: больше не ставя условий, она добровольно пошла навстречу:

— Тянь Игуа действительно был великим мастером, но позже его разум исказился. Он считал, что демоны и монстры, хоть и безумны, обладают долголетием, намного превосходящим человеческое, что несправедливо.

Словам белой лисы все не решались верить полностью.

Су Мэй добавила:

— Какое-то время Тянь Игуа ловил множество монстров для исследований, среди них были и мои сородичи.

Её рассказ в целом сочетался с уже полученной информацией.

Су Эр задумчиво произнёс:

— Когда Тянь Игуа хотел убить меня, его рука покрылась чешуёй. Вполне возможно, он наполовину человек, наполовину змея.

Сун Цзяюэ с сожалением заметила:

— Змеи боятся холода, жаль, что здесь скоро начнётся лето, иначе мы...

Цзи Хан жестом прервал её, его взгляд внезапно устремился к большому дереву вдалеке... Трёх-четырёхлетний ребёнок, непонятно как забравшийся на него, висел на нижней ветке, раскачиваясь из стороны в сторону.

Вот-вот готовый упасть. Сун Цзяюэ бросилась вперёд, чтобы поймать его.

Не успела она проверить, не пострадал ли ребёнок, к ним поспешил управляющий усадьбой и ударил малыша:

— Чего шляешься где попало?

Ребёнок не заплакал, а, засунув палец в рот, лишь глупо улыбался.

Сун Цзяюэ нахмурилась:

— Это ваш ребёнок?

— Младший сын хозяина. — Управляющий виновато улыбнулся: — Простите, что побеспокоил

вас.

Одежда малыша была грязной. Сначала подумалось, что он просто шалун, но теперь, когда все увидели, что даже управляющий мог его бить и ругать, стало ясно: за ребёнком никто не следит. До него явно никому нет дела.

Управляющий, ворча, подтолкнул ребёнка вперёд.

Сун Цзяюэ это всё показалось странным, она остановила слугу и расспросила.

Будь это кто-то другой, слуга промолчал бы, но хозяин лично велел почитать высших мастеров, и отношение было совершенно иным:

— Вы что, разглядели, что с ребёнком неладно?

Сун Цзяюэ уклончиво промычала: «Угу».

— При его рождении мать умерла, навлекая несчастье. Мало этого, слуги, за ним присматривавшие, часто попадали в неприятности, а в прошлом году даже его кормилица нечаянно упала в колодезь.

Сун Цзяюэ удивилась:

— Настолько зловеще?

— Ещё как! — слуга аж ахнул. — Хозяин уже договаривается с храмом, собираясь в следующем месяце отправить туда молодого господина.

Сун Цзяюэ посмотрела на Цзи Хана, и тот, глядя в сторону, куда ушёл управляющий, сказал:

— Пойдёмте посмотрим.

Сначала они ещё встречали служанок и слуг, но чем дальше шли, тем безлюднее становилось.

Ребёнка они нашли у дерева. Управляющего рядом не было. Малыш копался в земле у корней и жевал что-то, выкопанное оттуда. Увидев людей, лишь глупо улыбался. Он протянул руку, словно делился, предлагая свою «еду».

Зрелище было душераздирающим, но в условиях инстанса никто не решался действовать опрометчиво.

Су Эр вдруг подошёл, протянул ему кусочек сахара и погладил по голове.

Через некоторое время ребёнок сунул выкопанные корешки в рукав и убежал обратно в комнату через открытую дверь.

Сун Цзяюэ протянула:

— Этот ребёнок... похоже, человек.

По крайней мере, сейчас она ничего необычного не чувствовала.

Су Эр кивнул:

— Я только что вдохнул рядом с ним, тоже ничего не почувствовал.

Пёстрые змеи, похоже, проголодались и начали громко безостановочно шипеть. Все вернулись в комнаты, чтобы накормить змей своей кровью. Из-за этой задержки они как раз пропустили обед. Ван Сюнь велел отнести еду каждому в комнату.

Цзи Хан дал своей змее лишь две капли крови. Змея, недовольная, высовывала раздвоенный язык. Цзи Хан проигнорировал это. Он неспеша палочками перебрал жареный рис и, увидев среди мяса красные крупинки размером с соевые бобы, аккуратно выловил их и раздавил на тарелке.

Понаблюдав несколько секунд, он вышел из комнаты и столкнулся с подошедшим Вэй Цзюнем:

— В еде яд.

Очевидно, тот пришёл к такому же выводу.

<http://bllate.org/book/13001/1145697>